

В этот канун Нового года, под фонограмму праздничного концерта, Лу Нянь и Ся Пипи отведали самую вкусную трапезу с тех пор, как попали в мир людей.

Первая половина ужина подошла к концу, и настало время для пельменей. Ся Пипи уже нарубил говяжий фарш, как вдруг увидел, что Чжу Е разделяет скумбрию, и не удержался от комментария:

— Брат Е, говядины и так хватит на всех.

Чжу Е, ловко отделяя рыбное филе, с лёгкой улыбкой ответил совершенно естественно:

— Лу Няню нравится рыба.

Рука Ся Пипи, как раз сыпавшая соль в фарш, дёрнулась, и соли высыпалось куда больше, чем нужно. Суетливо вылавливая лишнюю соль, Ся Пипи не мог отогнать мысль — как же бесит, эта порция собачьего корма свалилась так внезапно!

Когда фарш был готов, Лу Нянь тоже присоединился к лепке пельменей. Не умея лепить, он взял на себя раскатку теста. Чжу Е, орудуя ложечкой, проворно подхватывал раскатанные Лу Нянем сочни, накладывал начинку, залеплял края — и один за другим на разделочной доске выстраивались аппетитные пельмени с тонким тестом и щедрой начинкой. Вскоре все пельмени были готовы.

В кастрюле уже кипела вода, а Лу Нянь стоял рядом, с нетерпением поглядывая, когда же опустят пельмени. Чжу Е, заметив его лицо, вдруг прыснул со смеху. Ся Пипи, в одиночестве лепивший свои скромные пельмешки, невольно поднял голову и увидел, как Чжу Е протянул руку к лицу Лу Няня, стёр с его щеки муку, а во взгляде его читались нежность и обожание?

Стоп!

Обожание?

Ся Пипи обиженно отвел взгляд, яростно залепляя свой пельмень — как же бесит, чувствую себя полностью забытым в угоду этим двоим!

Рука Чжу Е была тёплой, и когда он посмотрел прямо в глаза, лицо Лу Няня без причины вспыхнуло.

Это вытирание затянулось больше чем на минуту, и Чжу Е, похоже, и не думал убирать руку.

Лу Няню стало неловко, он отвел взгляд и тихо спросил:

— Брат Е, на моём лице ещё осталась мука?

Вовремя вскипевшая в кастрюле вода отвлекла Чжу Е. Он на мгновение замешкался, затем совершенно спокойно опустил руку, вдруг приблизился к Лу Няню, внимательно осмотрел его лицо и с улыбкой сказал:

— Нет, всё чисто!

Когда пельмени сварились и их поставили на стол, праздничный концерт по телевизору всё ещё продолжался. Говядина была заранее замаринована, с добавлением овощей, и на вкус получилась весьма неплохо. Но когда Ся Пипи, держа свою миску с говяжьими пельменями, увидел, как Чжу Е угощает Лу Няня рыбными пельменями, а затем взглянул в свою

собственную миску, ему показалось, что в его пельменях чего-то не хватает.

За то, что Чжу Е специально сварил для него рыбные пельмени, Лу Нянь выразил высшую степень благодарности. И подтвердил своё отношение к этому блюду делом: все сто с лишним пельменей со скумбрией он съел в одиночку.

Пока ели пельмени, Ся Пипи сходил на кухню за чесночным соусом. Откуда ни возьмись, он вытащил бутылку красного вина и радостно понёс её назад:

— Брат Лу, брат Е, раз уж редко выдаётся такой праздник, давайте выпьем, чтобы отметить!

Увидев вино, Лу Нянь сразу вспомнил прошлый неловкий случай и инстинктивно посмотрел на Чжу Е. Тот же сохранял полное спокойствие и лишь с улыбкой сказал Ся Пипи:

— Не боишься опять напиться?

Ся Пипи тоже помнил, как в прошлый раз напился, и его принесли обратно эти двое. Он смущённо почесал затылок, но потом добавил:

— В прошлый раз я пил слишком жадно. В этот раз буду пить медленно, только пригублю, точно не напьюсь.

С этими словами Ся Пипи взглянул на Лу Няня, в глазах его читалась мольба:

— Брат Лу, давай выпьем совсем чуть-чуть, ладно?

Лу Нянь немного помедлил. Собирался отказать, но, увидев жалобное выражение лица Ся Пипи, сказал уже совсем другое:

— Ладно, только совсем немного.

Услышав это, Чжу Е приподнял бровь, взглянул на Лу Няня, но ничего не сказал.

Красное вино у Сюй Дуна было выдержанное, хорошее, на вкус действительно отличное. Беседуя, трое незаметно опустошили бутылку. Ся Пипи и Лу Нянь не чувствовали ни малейшего опьянения:

— Я же говорил, если пить медленно, всё будет в порядке.

Разошёлся не на шутку, Ся Пипи сбегал за второй бутылкой. Открыли, разлили, как раз по телевизору пробили новогодние куранты. Трое подняли бокалы за новую жизнь:

— Будем здоровы!

— Я же говорил, если пить медленно, не... ик...

Ся Пипи только поставил бокал, как лицо его стало красным, словно раскалённый уголь. Не успев договорить, он соскользнул на пол, вновь превратившись в пьяную креветку.

Красное вино — штука коварная. Сначала не ощущаешь ничего, а потом незаметно перебираешь. Когда опомнишься, уже накрывает с запозданием. Увидев, что Ся Пипи сам себя уложил, Чжу Е лишь покачал головой и усмехнулся. Напротив кто-то наливал ещё вина. Чжу Е, услышав звук, поднял взгляд на Лу Няня и с заботой в голосе сказал:

— У красного вина запоздалый эффект, пей поменьше, не опьяней.

Лу Нянь лениво покачивал бокал на высокой ножке, его глазницы казались глубже, в глазах поблёскивала влага, уголок губ непринуждённо приподнялся:

— Я не опьянею.

Чжу Е слегка нахмурился — ну вот, судя по всему, Лу Нянь уже пьян.

С наступлением Нового года в небе вспыхнули фейерверки. Снег шёл всё сильнее, укрывая дороги, ломая ветви деревьев.

Устроив пьяного Ся Пипи, Чжу Е обернулся и увидел Лу Няня, прислонившегося к косяку двери и с улыбкой смотрящего на него. Тот уже успел как следует одеться: на ногах резиновые сапоги, на плечах дождевик — явно собирался на улицу. Чжу Е мельком взглянул на погоду за окном, потом на полного энтузиазма Лу Няня, приподнял бровь и спросил:

— И куда это ты собрался?

Лу Нянь выпрямился и, дождавшись, пока Чжу Е выйдет, прикрыл за собой дверь в комнату Ся Пипи. Говоря с Чжу Е, он смотрел в окно:

— Я впервые вижу снег, хочу пойти посмотреть... Ты пойдёшь со мной?

— Конечно, — Чжу Е на ходу снял с вешалки пальто и кивнул Лу Няню. — Пошли.

— Подожди!

Лу Нянь сказал это, взял с дивана шарф, подошёл к Чжу Е и обмотал его вокруг шеи, круг за кругом, а в конце завязал красивый бант, после чего удовлетворённо улыбнулся:

— Готово.

Когда они вышли, было уже больше двух часов ночи. Вокруг постепенно воцарялась тишина, лишь белый снег безмятежно падал между небом и землёй, бескрайний и неумолимый.

Лу Нянь протянул руку, и вскоре на ней накопилось немало снега. Не в силах удержать любопытство о вкусе снега, он не удержался, поднёс руку ко рту и осторожно лизнул. Белоснежный юноша, белый снег, розовый язык, розовые губы — загляденье.

Глаза Чжу Е стали темнее, но на лице не дрогнул ни один мускул. Он стряхнул снег с плеча Лу Няня и мягко спросил:

— Ну как, каков на вкус?

— Так себе. Немного горьковатый, холодный, совсем не такой, как мороженое.

Лу Нянь отряхнул снег с руки и с сожалением сказал:

— Жаль, такая огромная природная морозильная установка, а производимое ею мороженое несладкое. Брат Е, как думаешь, если я наберу снега, сам добавлю джема, сахара — будет вкусно?

— Смог, пыль, грязь и разные свободно летающие организмы — всё это спрессовано в

снежинках. Не говоря уже о вкусе, но что касается санитарного состояния этих ингредиентов...

Чжу Е вовремя произнёс пару слов, развеивающих романтику, и окончательно отбил у Лу Няня охоту пробовать снег.

Видя, что Лу Нянь молчит, Чжу Е снова спросил:

— Хочешь слепить снеговика, поиграть в снежки?

Лу Нянь обернулся и нахмурился, в его прекрасных глазах мелькнуло неодобрение:

— Я не буду заниматься такими детскими забавами!

В половине четвёртого ночи Чжу Е стоял посреди хлопьев падающего снега и с горьковатой усмешкой смотрел на Лу Няня, лепившего снеговика поодаль. Кто же это сейчас так увлечённо играет, хотя только что говорил, что не будет заниматься детскими забавами?

Лу Нянь впервые лепил снеговика. Усердно скатав один большой и один поменьше снежный ком, он поставил их друг на друга, обозначив голову и тело. Как раз когда он раздумывал, что бы взять для носа и глаз, Чжу Е принёс с кухни два мандарина и половинку морковки. Лу Нянь снял с себя шарф и шапку и нарядил снеговика — и вот, творение было готово.

Довольный своим произведением, Лу Нянь подтолкнул Чжу Е к снеговика, достал телефон и щёлкнул их вместе. На фото Чжу Е, явно не успевший опомниться, смотрел в камеру растерянным взглядом. Его высокий рост рядом с кругленьким снеговиком создавал разительный контраст, вызывающий умиление.

Лу Нянь с удовлетворением рассматривал композицию кадра и уже собирался позвать Чжу Е в дом, как тот взял у него из рук телефон и, указав на снеговика, сказал:

— Давай я тоже тебя сфотографирую.

<http://bllate.org/book/15296/1359261>